

Оракулы MUŠ. Группа текстов СТН 575 описывает еще один неизвестный в Месопотамии тип оракулов – наблюдение за поведением плавающего животного, которое в хеттском обозначалось идеограммой MUŠ «змея». Перемещения этого животного интерпретировались в качестве знаков оракула. В водоеме были отделения, расположенные по горизонтали и вертикали и обозначаемые терминами с положительными и отрицательными коннотациями типа «дворец», «клятва», «неправота»⁴². Оракулы MUŠ появляются во время Хаттусилиса III⁴³ и проводятся жрицей MUNUSŠU.GI. Замечательно сохранившийся текст I BoT I 33⁴⁴ знакомит с процедурой проведения оракула MUŠ, но при этом оставляет открытыми ряд вопросов, в частности, о причинах, по которым этот тип оракула не сочетался с другими, рассмотренными выше.

Краткий обзор хеттских оракулов показывает, что они занимают особое место в культуре древней Анатолии. Испытывая постоянное влияние со стороны неродственных традиций, хеттская дивинация и, в частности, практика обращения к оракулам усвоила немало чужеземных элементов, которые не нарушали целостности ее системы, в то же время сохраняя на протяжении всей хеттской истории своеобразие культурного типа.

DIVINATION IN ANCIENT NEAR EAST: HITTITE ORACLES

L.S. Bayun

The article treats some aspects of the oracles that were the most popular form of divination in Asia Minor of the II mill. B.C. The five main types of Hittite oracles were based on the interpretation of omens derived from the behaviour of birds (MUŠEN, MUŠEN *hurri*) and animals (MUŠ), signs on the liver of sacrificed animals (KUŠ), and symbols drawn or thrown like lots (KIN). The author discusses some of the issues of the origin and techniques of Hittite oracles and their relation to the Mesopotamian and Hurrian divinating traditions.

© 1998 г.

Е.В. Антонова, Б.А. Литвинский

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА

(Раскопки Невали-Чори)

Еще в конце 50-х годов нашего века представления о культуре ранних земледельцев, сделавших решающий шаг в формировании цивилизаций Востока, как о примитивной были поколеблены раскопками анатолийского поселения Чатал-Хююк в долине Конья, на юге Турции. До сих пор это неолитическое поселение со своеобразной и вполне сложившейся архитектурой, рельефными, скульптурными и живописными изображениями мифологических существ и обрядовых сцен, следами ритуалов в постройках, нередко именуемых «святыщами», предстает как явление исключитель-

⁴² Всего их известно около 60, см. *Laroche É. Lécanomancie hittite // RA. 1958. 52. P. 150 suiv.; Kammenhuber. Orakelpraxis... S. 27.*

⁴³ *Ibid.* S. 27. Not. 50; S. 72. Not. 156.

⁴⁴ 114 строк; опубликован Э. Ларошем (*Lécanomancie...*).

ное, генезис которого остается не вполне понятным. Исследования в Юго-Восточной Турции в течение двух последних десятилетий дали большой материал, проливающий свет на возникновение оседлой земледельческой культуры в Анатолии и отчасти – на истоки формирования феномена Чатал-Хююка. Они относятся к так называемому докерамическому неолиту, времени, когда все признаки неолитической культуры – долговременные поселения, производящее хозяйство, почитание умерших и особо выделяемых предков и т.д. – уже существовали, но важный для археологов индикатор культурного развития – посуда – изготавливалась из камня и, по всей вероятности, из таких несохраняющихся материалов, как дерево и кожа. Единственным поселением такого рода в этом регионе до недавнего времени было Чейеню-Тепеси на Верхнем Тигре. Сейчас помимо него к эпохе раннего и среднего докерамического неолита Б (PPN^B, 8700–7500 гг. до н.э.), согласно калиброванным радиоуглеродным датировкам (существенно более ранним, чем традиционные и некалиброванные), относят Бойтепе, Кафер-Хююк, Гебеклы-тепе, Гюрчу-тепе и интересующий нас Невали-Чори.

Поселение Невали-Чори исследовалось во время охранных раскопок при сооружении «плотины Ататюрка» в 1982–1987, 1989–1991 гг. Сейчас оно находится под водой. В составе интернациональной экспедиции были ученые из Института первобытной и древней истории Гейдельбергского университета и из Археологического музея в Санли-Урфа (Турция) (директор А. Миссир). Работы проводились на средства «Deutsche Forschungsgemeinschaft», Гейдельбергского университета, одной частной фирмы и др. Возглавлял экспедицию известный немецкий археолог Г. Хауптманн¹. В настоящее время опубликованы предварительные отчеты²; поселение фигурирует в обобщающих работах, посвященных истории культуры ранних земледельцев Передней Азии. Все это позволяет дать характеристику этого интереснейшего памятника и наметить его место в древней истории региона.

Евфрат – величайшая река Передней Азии; он образуется из двух притоков у Малатьи, далее течет в глубокой горной долине. Как бурная горная речка течет он по Верхнемесопотамскому плоскогорью, где вдоль его берегов располагаются большие и малые телли. Поселение Невали-Чори находилось в 2 км от Евфрата, в долине его притока, ручья Кантара-Чай, вблизи одноименной деревни (округ Хильван, пров. Санли-Урфа). Оно лежало на террасе, на площадке 90 × 40 м², у подножья известняковой горы. Большое количество водных источников, наличие кремня, богатый природный мир и пригодная почва, – все это, конечно, благоприятствовало возникновению здесь раннеземледельческого поселения.

¹ Несколько слов о руководителе раскопок Невали-Чори. Профессор Гаральд Хауптманн (род. в 1936 г.) получил специальное образование в Тюбингенском, Саарбрюкенском и Гейдельбергском университетах, где изучал первобытную и классическую археологию и древнюю историю. Он специализировался по позднему неолиту и энеолиту Фессалии. В 1966–1971 гг. работал референтом (т.е. научным сотрудником) в Стамбульском отделении Германского археологического института. Затем преподавал в Свободном университете в Берлине. С 1980 по 1995 г. – ординарный профессор и директор Института первобытной и древней истории и переднеазиатской археологии Гейдельбергского университета, с 1994 г. – первый (главный) директор Стамбульского отделения Германского археологического института. Проводил раскопки на многих памятниках Анатолии – Язылыккая и Яриккая в Богазкёе (1966–1967), Норшун-тепе (1968–1974), Керт-тепе (1972), Лидар-Хююке (1979–1987), некрополе Титриш-Хююк (1981, 1985) и Невали-Чори (1987–1991). Руководитель (с 1989 г.) экспедиции по трассе Каракорумского шоссе (Пакистан). Проводил также экспедиционные работы в Йемене. Имеет много капитальных публикаций, является издателем нескольких серий, в том числе «Heidelberger Studien zum Alten Orient».

² Предварительные информации: *Hauptmann H. Nevali çori // AS. 1984. 34. P. 228; idem. Nevali-çori // AS. 1987. 37. P. 206 f.; idem. Architektur // Anatolica. 1988. 15. S. 99–110; idem. Nevali çori. Eine Siedlung des akeramischen Neolithikums am mittleren Euphrat // Nürnberger Blätter zur Archäologie, Jg. 1991–1992, Ht 8. S. 15–33; idem. Ein Kultgebäude in Nevali çori // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri. Dedicata / Ed. M. Frangipane et al. Roma, 1993; idem. Nevali çori // Encyclopedia of Near Eastern Archaeology. Oxf., 1996. Один из авторов этой статьи, Б.А. Литвинский, благодаря любезности проф. К.Г. Хауптманна в апреле 1996 г. имел возможность ознакомиться в Стамбульском отделении Германского археологического института с полевой документацией этой экспедиции.*

Невали-Чори – многослойное поселение, длительность обитания в нем объясняется помимо других причин его расположением на пути, связывавшем Сирию и Анатолию. Здесь были раскопаны усадьба римского времени и некрополь, постройки раннебронзового времени (ок. 3000 г. до н.э.) и энеолита (вторая половина VI – вторая половина V тыс. до н.э.). Но наибольший интерес представляет поселение докерамического неолита. Его главная часть находилась на восточном берегу ручья Кантара-Чай (Невали-Чори I). Остатки сооружений образовали здесь пять слоев общей мощностью 2 м. На западном берегу лежало Невали-Чори II, где вскрыто два слоя, соответствующих по времени поздним напластованиям восточной части поселения. Исключительный интерес представляют остатки сооружений как бытового, так и особого назначения, принадлежащие к тому, что может быть названо этапом становления архитектуры. Они представляют собой постройки прямоугольного плана, переход к которым от круглопланных хорошо прослежен на более южных территориях Среднего Евфрата (см. ниже). Своеобразие этих сооружений, претерпевших изменения на протяжении существования поселения, заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее.

Основным строительным материалом в Невали-Чори служит известняк, залежи которого находились поблизости. Использовался рваный и слегка обработанный камень; блоки укладывали на глиняный раствор. Широко использовались речная галька и булыжник, дерево и глина. Единственный достаточно хорошо сохранившийся дом (№ 21) нижнего, первого слоя, имел размеры $14,2 \times 4,4$ м². Здание состояло из прямоугольной комнаты площадью $8,5 \times 4,4$ м², к которой примыкали два небольших помещения. Конструктивной особенностью, типичной и для сооружений более поздних слоев, были каналы, в данном случае два, параллельные длинным стенам и находившиеся в подпольном пространстве. Характерный тип жилого дома Невали-Чори – прямоугольная наземная постройка с несколькими жилыми помещениями и подпольным пространством, выложенным из камня и разделенным обычно поперечными каналами. Таких построек на поселении выявлено более 20. Как это нередко бывает в домах ранних земледельцев, в них обнаружены и погребения.

В более позднем слое II постройки отличались лучшей сохранностью: здесь раскопано несколько крупных сооружений. Дом № 12 (площадью $14 \times 5,5$ м²) состоял из двух рядов помещений. Под полом найдено много захоронений, в том числе множественных – несколько в одной яме. В затылочной части одного из черепов застрял кремневый наконечник. Дом № 26 имел размеры $19 \times 6,5$ м², толщину наружных стен – 0,5, внутренних – 0,4 м. Восемь помещений располагались в два ряда. Удалось определить, что снаружи у стен стояли деревянные столбы, опоры крыши. Хорошая сохранность позволила выявить детали конструкции подпольного пространства. Из крупных блоков была выложена платформа, разделенная каналами на шесть прямоугольных полос. Каналы перекрывались плитами. Вся платформа засыпана слоем щебня. Исследуя конструкцию подпольных каналов, Х. Хауптманн высказал предположение, что они служили для охлаждения жилых помещений. В слое II зафиксировано использование во внутренних стенах выступов – «пилястр», признаки которых, судя по всему, встречаются и в предшествующем слое. Снаружи у стен некоторых построек обнаружено нечто вроде скамей из камней, уложенных в один ряд. Подобные обнаружены в Чейеню-Тепеси и Кафер-Хююке; есть предположение, что они должны были предохранять стены от размывания³.

На западной окраине поселения, отделенной сухим протоком, находился предположительно культовый комплекс. Самая древняя его часть сохранилась лишь в виде остатков каменных стен, а обломки каменных столбов и скульптур из этого здания были использованы при строительстве более позднего сооружения, воздвигнутого на распланированной площадке и открытого в сторону долины. Почти полностью, с археологической точки зрения, сохранилось сооружение следующего слоя. Оно по-

³ Anrenche O. L'architecture de l'Anatolie du Sud-Est au néolithique acéramique // *Anatolica*. 1988. P. 15.

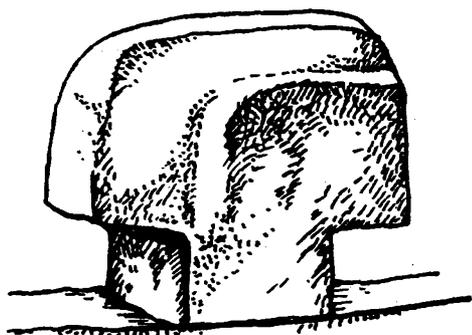

Рис. 1. Невали-Чори. Верхняя часть опорного столба

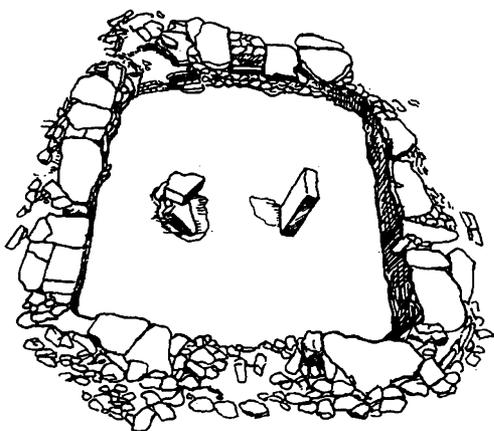

Рис. 2. Обрядовое сооружение

строено из известняка (в том числе тщательно обработанного), почти квадратное ($13,90 \times 13,50 \text{ м}^2$, общая площадь 188 м^2) и ориентировано углами по сторонам света. Внешняя стена сохранилась на высоту до 2,80 м при толщине от 0,50 до 0,90 м. Вход находился в юго-западной стене; ниша, предположительно для культового изображения, – в юго-восточной. Первоначально в северо-восточной стене имелось некое отверстие, возможно, для воды, текшей со склона; далее она поступала в выложенный камнем канал. Внутри постройки вдоль трех стен находилась скамья шириной в 1 м, выложенная из рваного камня на глиняном растворе, покрытая сверху большими каменными плитами. В нее с интервалами 2,30–2,40 м было вставлено 13 монолитных каменных столбов. Их высота – до 1,95 м. Столбы прямоугольные в сечении ($0,5 \times 0,4 \text{ м}$) и имели в верхней части Т-образное расширение, нечто вроде капители (рис. 1). Вход в постройку достигал ширины 1,15 м; у входа было две ступени. Не исключено, что было и помещение типа вестибюля. Об особом назначении этого помещения свидетельствует и необычное устройство пола: в 15-сантиметровом слое раствора утоплены обломки отшлифованного известняка (обычные полы были из утрамбованной глины). Пол был гладкий и напоминал хорошо известный по позднейшей архитектуре вплоть до сего дня «мозаичный» пол (terrazzo). Эта «мозаика» доходила до скамьи, а выше шла глиняная штукатурка, покрывавшая как скамью, так и стены за ней. На белой штукатурке местами заметны следы красной и черной красок. Это позволяет предполагать, что внутренняя поверхность стен была по крайней мере частично расписана. Наличие остатков скульптуры, использованной при постройке более позднего сооружения III, дает возможность считать, что она украшала это более раннее сооружение. Сохранились скульптурные изображения человекоптицы и еще одного существа смешанной антропозооморфной природы.

Постройка в слое III воздвигнута на месте описанного сооружения слоя II; в ней были использованы, как уже говорилось, некоторые старые элементы (рис. 2). Новое сооружение имело внешние размеры $12,1 \times 12,80 \text{ м}$, его общая площадь составляла 155 м^2 . Вход остался на прежнем месте, перед ним, очевидно, находился вестибюль. Ниша шириной 0,70 м, глубиной 0,60 м была устроена в другой стене, противоположной входу, и находилась над скамьей. В результате перестройки толщина внешней стены в северо-восточной части достигла толщины 1,50 м. В противоположность более раннему сооружению углы стали не прямыми, а округлыми. Скамьи по трем стенам повторяют расположение их в предшествующем сооружении; они имели ширину до 1,30 м и были покрыты полированными каменными плитами длиной до 1,9 м и толщиной ок. 0,25 м. В стене было 10 каменных столбов с Т-образными навершиями-

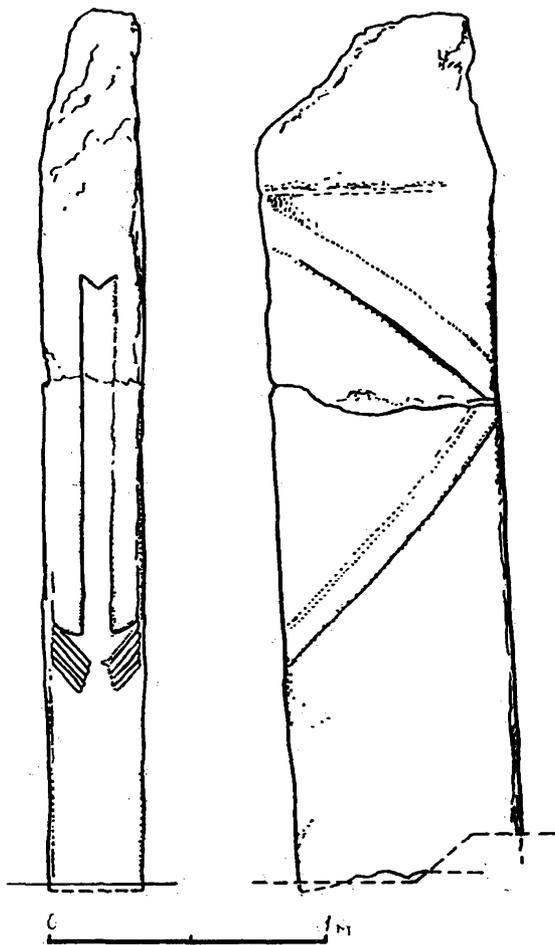

Рис. 3. Фрагмент каменной антропоморфной скульптуры из обрядового сооружения

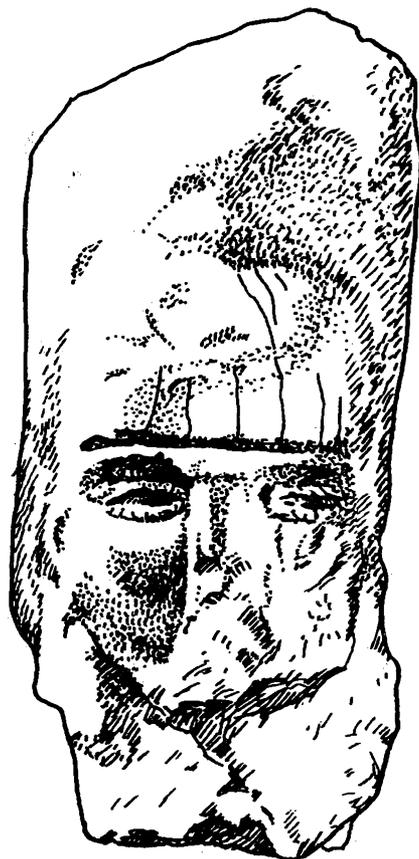

Рис. 4. Фрагмент скульптуры женского существа

«капителями», поставленных на расстоянии ок. 2,5 м. Прямоугольные в сечении (0,44 × 0,33 м) они возвышаются над уровнем пола на 2,35 м. Внутри самого помещения, в его центре, возвышался более мощный столб (сечение 0,80 × 0,33 при высоте 3 м, рис. 3). Столбу был придан антропоморфный вид: на широкой стороне в низком рельефе передана согнутая рука (?), на узкой – две свисающие вниз части рук с проработанными пальцами. Руки изображены предельно условно – в виде узких почти прямых полос и пяти обращенных друг к другу полосок-пальцев. Перед столбом лежала плоская плита. От прежнего здания осталась несколько обновленный «мозаичный» пол, а в стену, противоположную входу, оказалась замурованной скульптурная голова высотой 0,37 м, фрагмент большой фигуры человека, по-видимому, женского существа (рис. 4). Каменная фигура человекоптицы была замурована в скамью лицом вниз.

В юго-восточной части поселения в слое III обнаружено четыре дома плохой сохранности (длина 14–16, ширина более 6 м) с поперечными каналами в подпольном пространстве. На западном берегу ручья находились дома, построенные на позднем этапе существования поселения. Здесь были обнаружены остатки, вероятно, стены,

подпорной или оборонительной. Дом, состоявший из девяти камер, расположенных в три ряда, принадлежал к известному еще в Чейеню-Тепеси типу cell-plan (сооружение, состоящее из помещений камерного типа). Маленькие помещения определены как хранилища, но в одной постройке (№ 6) относительно большое жилое помещение соседствовало с мастерской по изготовлению каменной утвари и скульптур.

Итак, из предшествующего краткого изложения ясно, что на поселении Невали-Чори обнаружены разнообразные остатки деятельности его жителей – от построек, где они жили, до погребений, фрагменты скульптур, столь необычных для того времени. Прежде чем перейти к обсуждению места этих явлений в культуре Передней Азии неолитического времени, следует сказать несколько слов о хозяйстве и технических достижениях обитателей поселения.

Здесь разводили по крайней мере два вида пшеницы – одно- и двузернянку, а также бобовые культуры. В этой лесной зоне естествен был сбор диких плодов (в том числе фисташек), диких злаков, произраставших в окрестностях. Предполагают, что были одомашнены овца и коза, но охота еще не утратила своего значения – ее объектами были несколько видов газелей, олени, кабаны. Из известняка делали фигурки не только антропоморфных существ, но и, судя по всему, пантер, львов, медведей, коршунов, представителей семейства лошадиных. Главным материалом для орудий служил камень, что отличает это поселение от других одновременных ему в Юго-Восточной Турции, где широко использовали обсидиан. Из камня изготавливали не только орудия, но и украшения – браслеты и бусы. Однако, что особенно примечательно, бусы делали уже и из меди, как на некоторых других поселениях докерамического неолита (Чейеню-Тепеси, Телль-Рамад и др.).

Изменения в строительном деле и архитектуре, произошедшие в докерамическом неолите, отражают радикальные перемены как в формах ведения хозяйства, так и в социальной сфере, и мировосприятии. Древнейшие известные постройки в долговременных поселениях были круглыми в плане. Они зафиксированы на территории Леванта (Израиль, Иордания, Сирия, Ливан) в слоях от 14000 до 8000 г. до н.э.⁴ В наиболее близком к интересующему нас региону, на Среднем Евфрате, динамика их изменений лучше всего изучена в Телль-Мурейбите. Круглые в плане постройки (8200–7600 гг. до н.э.) строились из дерева, глины и камня. Подобные сооружения пока мало известны в Анатолии. В Чейеню-Тепеси обнаружено два овальных в плане сооружения, стены которых представляли собой обмазанную глиной деревянную основу, укрепленную внизу камнями. Затем в мурейбитских постройках появляются внутренние перегородки, членившие пространство. Наконец, как показывают раскопки на Среднем Евфрате, здесь ок. 7700 г. до н.э., а возможно, и раньше, чем в других районах Ближнего Востока, произошел переход к постройкам прямоугольного плана. Дома строили на каменных основаниях из грубо отесанных блоков или плит, стены воздвигались из глины с использованием деревянных конструкций⁵.

Переход к постройкам прямоугольного плана особой конструкции наиболее ярко к настоящему времени представлен в докерамическом неолите Юго-Восточной Турции. Здесь в Чейеню-Тепеси были раскопаны сооружения с небольшими (1 × 1 м, 1,5 × 1,5 м) и даже крошечными помещениями (шириной 0,15–0,40 м). Первые постройки получили наименование cell-building, вторые – grill-building (решетчатые сооружения)⁶. Эти постройки были не редкими: в Чейеню-Тепеси их обнаружено более 30. Предполагают, что маленькие помещения могли быть «нижним этажом», где располагались хранилища, или служили для аэрации или ассенизации жилых построек, располагавшихся на верхнем уровне⁷. По мнению О. Оранша, эти два типа представляют собой различные способы решения проблемы проживания на верхнем жилом

⁴ Anrenche O. La tradition architecturale dans les hautes vallées du Tigre et de l'Euphrate aux VIII–VIIe millénaires // Archéologie au Levant. Lyon, 1982. P. 73.

⁵ Ibid.

⁶ Cembel H. Chronologie et organisation de l'espace à Çayönü // Préhistoire du Levant. P., 1981.

⁷ Anrenche. L'architecture... P. 9.

этаже, при этом решетчатый план был менее эффективным, чем камерный, поскольку более крупные помещения могли использоваться и для хранения. Г. Хауптманн отмечает близость планировочных схем Невали-Чори тем, что они обнаружены на других поселениях докерамического неолита Юго-Восточной Турции, в первую очередь хорошо изученному Чейеню-Тепеси. Здесь раскопаны постройки типа cell-building и однокомнатные сооружения. Во всех случаях они хорошо спланированы согласно заранее разработанной схеме. По мнению исследователя ранней архитектуры Передней Азии О. Ораншу, канавки в подпольных пространствах Невали-Чори представляют собой разновидность конструкций типа grill- или cell-plan⁸.

Примечательная черта построек – систематическое применение опор жилого этажа из связок тростника, как в Чейеню-Тепеси, а также каменных внутрисконных или свободно стоящих столбов и пилястр, как в Невали-Чори. Опоры поддерживали плоское перекрытие, и их эффективности должно было способствовать расширение в верхней части. Антропоморфное оформление одной из предполагаемых опор Невали-Чори можно с известной долей условности рассматривать как первую и самую отдаленную предтечу эллинских кариатид. Нет сомнений, что изобразительное искусство начинает входить в оформление интерьеров, отмечая начало долгого пути к синтезу архитектурных и изобразительных форм.

Выбор материалов для строительства в это время зависел от окружающей природы. В Невали-Чори доминировал камень, применяли дерево и глину. Быть может, начали делать кирпич. Глина с различными добавками использовалась не только в качестве связующего вещества, но и для оштукатуривания стен и создания (в сочетании с камнем) « мозаичных » полов.

Общую характеристику пространства деревень докерамического неолита Б дал О. Оранш⁹. Деревни представляли собой комплекс свободно отстоящих друг от друга построек, между которыми находились очаги и ямы; здесь много следов жизнедеятельности и отходов, как и в современных деревнях Ближнего Востока. Заметим, что в Невали-Чори обнаруживается однообразная ориентировка домов входами или узкими сторонами в сторону ручья. В то же время исследователи обнаруживают что-то вроде площадей, в Чейеню-Тепеси, в частности, окруженных постройками особого назначения. Таким образом, пространство структурируется, имеются признаки дифференциации архитектуры, но это, по мнению О. Оранша, вряд ли предполагает изменения в социальной структуре, хотя он отмечает связь явлений такого рода в жизни общества¹⁰. Весьма уместно обратиться к постройкам, архитектура, убранство и находки в которых предполагают их особое, не бытовое назначение.

Сооружение с « мозаичным » полом, вертикальными плитами по периметру стен и стелой со схематично переданной антропоморфной фигурой, безусловно, выделяется среди построек Невали-Чори. Ж. Ковен квалифицирует его как « настоящее святилище » в отличие от « домов мертвых » – сооружений с многочисленными человеческими останками, в том числе с отделенными от костяков черепами, обнаруженными в поселениях как Леванта, так и Юго-Восточной Анатолии периода докерамического неолита¹¹. Он отмечает, что « святилище » Невали-Чори по форме и особенностям интерьера напоминает постройки Чейеню-Тепеси. Следует сказать несколько слов и о них.

В восточной части Чейеню-Тепеси находились три постройки с признаками, отличавшими их от обычных жилых строений¹². Это « постройка с мозаичным полом »,

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 15.

¹⁰ Ibid. P. 18.

¹¹ *Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique.* P., 1994. P. 123.

¹² *Çambel H., Braidwood R.J. Prehistoric Research in Southeastern Anatolia.* Istanbul, 1980; *idem.* Çayönü Tepesi, Schritte zu neuen Lebensweisen // *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien / Festschrift für K. Bittel.* Mainz am Rhein, 1983; *Schürmer W.* // *Ibid.; idem.* Zur Entstehung von Bauformen // *Bathron. Beiträge zur Architektur und* 42

сооружение с захоронениями черепов и «постройка с каменными плитами». Следует отметить, что эти сооружения не составляли единого ансамбля и существовали на разных этапах жизни поселения¹³. В одном из них в небольшом помещении, перекрытом крупными плитами, было обнаружено более 70 черепов. На более ранней стадии здание имело нечто вроде апсиды и содержало помимо некоторого количества черепов, захороненные под полом останки около 400 человек. В этом здании найдены и вертикально поставленные плиты, напоминающие те, что обнаружены в постройке Невали-Чори. На большом плоском камне, который есть соблазн именовать «алтарем»¹⁴, найдены следы крови не только животных, но и, как предполагают, людей (о сомнительной возможности такого различия пишет Ж. Ковен¹⁵).

В помещении с «мозаичным» полом находилась большая плита с изображением человеческой головы и со следами крови. При всей сомнительности определенных остатков крови, как замечает Ж. Ковен, можно предполагать, что это следы человеческих жертвоприношений, до сих пор не засвидетельствованных в других памятниках неолита Ближнего Востока¹⁶. Таким образом, на существование построек особого назначения в поселениях докерамического неолита на интересующей нас территории указывают особенности их архитектуры и убранства, их расположение на данной территории, нахождение в них по крайней мере иногда скульптурных изображений и человеческих останков. Обратимся сначала к захоронениям человеческих останков, размещение которых в постройках специального назначения, под полами жилых или временно оставленных домов и вообще в пределах поселения, представляет собой характерную черту жизни земледельцев докерамического неолита.

В Невали-Чори под полами как жилых, так отчасти и предполагаемых особых построек найдены погребения умерших в скорченном положении, захоронения частей останков и черепов. Особый интерес представляют захоронения черепов, поскольку именно с ними связана наиболее полная информация о специфике обрядов и верований оседлых земледельцев Ближнего и Среднего Востока. В Невали-Чори в постройке № 2 слоя III в специальной яме находилось восемь черепов без нижних челюстей. В постройке № 21, также в яме, найдено пять черепов и части скелетов.

Известно, что на территории Евразии погребения человеческой головы (или черепа), отделенной от тела (или скелета), появляются еще в палеолите. Однако столь отдаленные времена нас в данном случае не интересуют. Отметим лишь, что погребения такого рода встречаются в натufийской культуре XI–X тыс. до н.э., носители которой занимались интенсивным собирательством и охотой и оставили следы долговременных или периодически посещаемых поселений, состоявших из построек круглого плана¹⁷. В докерамическом же неолите А (IX–VIII тыс. до н.э.) первые свидетельства особого обращения с черепами были обнаружены в Иерихоне, где группы черепов, расположенных по кругу или расставленных рядами, располагались, в частности, во дворах сооружений. Позже, в пору докерамического неолита Б, к которому, напомним, относится и Невали-Чори, практика особого обращения с черепами на территории Леванта становится общераспространенной. Согласно Г.-Д. Бинерту, «различные формы сохранения черепов – одна из характерных черт этого периода. Одиночные или коллективные скопления черепов известны столь же хорошо, как и погребения, из которых эти черепа могли быть взяты»¹⁸.

verwandten Künsten für H. Drerup zu Seinem 80. Geburtstag / Hrsg. von H. Büsing, Fr. Hiller. 1988; *idem*. Some aspects of building at the «aceramic-neolithic» // *World Archaeology*. 1990. 21. 3.

¹³ *Cauvin*. Naissance des divinités... P. 120–122.

¹⁴ *Ibid.* P. 120.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ibid.* P. 122.

¹⁷ Сводку сведений см. *Bienert H.-D.* Skull Cult in the Prehistoric Near East // *Journal of Prehistoric Religion*. 1991. 5.

¹⁸ *Ibid.* P. 10.

В докерамическом неолите Б распространяется традиция не только особым образом размещать головы или черепа людей, но и специфическими средствами «оживлять» их, вылепливая по костям черепа черты лица. Впервые такие черепа были найдены в Иерихоне, где черты лица «восстанавливались» из особой пластичной массы, при этом нижняя челюсть обычно удалялась, а в глазные впадины вставляли раковины разных моллюсков¹⁹. Некоторые черты, например усы, иногда дополнялись краской. Сейчас такие черепа найдены не только в Иерихоне, но в Айн-Газале, Бейсамуне, Телль-Рамаде. Моделировка лиц была иногда очень тонкой и искусной, и такие произведения (несмотря на укороченность лица из-за отсутствия нижней челюсти) производят впечатление настоящих портретов, о чем писала еще К. Кеньон²⁰.

В рамках настоящей статьи, посвященной раскопкам Невали-Чори, представляется нецелесообразным подробно говорить о «культе черепов», столь характерном для неолита в первую очередь Леванта, отчасти Южной Анатолии и в меньшей степени Северной Месопотамии. Литература на этот счет многочисленна, одна из недавних статей содержит обобщение обширных материалов. Обратимся к некоторым итоговым заключениям ее автора Г.-Д. Бинерта, которые представляются нам существенными в нашем обзоре.

Черепам могли отделять от останков и захоранивать отдельно; в этом случае останки первоначально не захоранивали, а, как говорят этнографы, «выставляли», и после того как они, естественно, освобождались от мягких тканей, черепа забирали. Встречаются захоронения черепов без нижней челюсти и с нижней челюстью, а также с остатками скелета. Но то, что черепа не принадлежали убитым врагам (как это было у некоторых обитателей Океании и других регионов, сохранивших до недавнего прошлого архаические традиции), косвенным образом указывают погребения скелетов без черепов. Более приемлемой в контексте всего мировосприятия и образа жизни ранних земледельцев представляется концепция о связи черепов, как покрытых специальной массой, так и лишенных «оживленных» черт лица, с почитанием особо выделявшихся умерших предков (примечательно, что и мужчин, и женщин)²¹. Но не может ни привлечь внимания связь почитания черепов не только с культом предков, но и с возникновением портрета. Уже исследователь неолитического Иерихона К. Кеньон обратила внимание на последовательность использования в ритуалах черепов, затем покрытых специальной массой черепов и полнофигурных скульптур, в том числе крупных, чуть ли не близких человеческому росту²².

В Невали-Чори, как и в других анатолийских неолитических поселениях, включая Чатал-Хююк, не найдено покрытых специальной массой черепов. Но зато здесь обнаружены образцы скульптуры. Она чрезвычайно своеобразна и лишней раз подчеркивает, насколько мало до сих пор известно о неолитических культурах Передней Азии – каждое поселение, если оно вообще содержит яркие образцы произведений обрядово-художественного творчества, демонстрирует их своеобразие. При этом в Невали-Чори речь идет об образцах крупной скульптуры из известняка.

В предполагаемом культовом сооружении на одном из этапов найдено несколько скульптур. Среди них – человеческая голова со спускающейся, вероятно, на затылок, змеей-косой. Это – одно из выражений связи человека и животного. Другое – изображение птицы, но имеющей голову с человеческими чертами. В сооружении II находилась скульптура птицы, напоминающей хищную, с изогнутой шеей и проработанной головой (клюв отбит). Это изображение имеет в основании каменный выступ-шип, который, по всей вероятности, был предназначен для крепления его на каком-то основании. Была обнаружена и скульптура стоящей птицы с выгравированными перьями.

¹⁹ Kenyon K.M. Jericho. Oldest walled Town // *Archaeology*. 1954. 7. P. 4; *eadem*. Jericho and its setting in Near East history // *Antiquity*. 1956. 30. P. 187.

²⁰ Kenyon. Jericho and its setting... P. 186.

²¹ См. *Ibid*.

²² *Eadem*. Excavations at Jericho, 1957–1958 // *Palestine Exploration Quarterly*. 1960. January–June. P. 92.

Из изображений существ смешанной зоантропоморфной природы следует упомянуть скульптуру высотой 0,6 м, которая также была укреплена на каком-то основании. Верхняя часть представляет собой фигуру сидящего человека с согнутыми и положенными на живот руками. Голова хорошо моделирована, в углубленные глаза вставлены «зрачки» из пока еще не определенного материала. Под длинными, спускающимися на спину волосами, проработанными гравированной сеткой, изображен птичий хвост. Лицо и прическа этой скульптуры напоминают другую голову, которую можно без преувеличения назвать превосходной. Это голова женской фигуры более чем в натуральную величину, не имеющей, по мнению автора раскопок, аналогий в искусстве докерамического неолита (рис. 4). Нам же кажется, что мягкая пластичность может сближать ее с лучшими образцами иерихонских черепов с «восстановленными» чертами лица. Эта голова представляла собой верхнюю часть стелы или колонны, найдена она в переотложенном состоянии в постройке слоя III в кладке стены. Находки большого числа фигур крупного размера, по словам Г. Хауптманна, указывают не только на значительный творческий потенциал и художественные способности обитателей поселения, но и на существование каких-то культов, с которыми связаны изображавшиеся существа.

Раскапывавшие Чейеню-Тепеси Р. Чэмбел и Р. Брэйдвуд считали, что постройки особого вида имели не обычное значение, однако определять их как культовые или общественные здания они не находили возможным. По мнению Г. Хауптманна, монументальные сооружения Невали-Чори – первый случай в архитектуре памятников докерамического неолита, когда находки в них и их особенности дают основания для определения их культовых функций. Наиболее определенно об этом свидетельствуют фрагменты скульптур, а также ниша, которая, по его мнению, должна была вмещать культовое изображение в здании слоя III. Это мог быть фрагмент человеческого торса из известняка с частично сохранившейся головой.

Скульптуры Невали-Чори своеобразны, однако некоторые признаки сближают их с покрытыми специальной массой черепами поселений докерамического неолита Б Леванта и с крупными изображениями, обнаруженными в более позднем Чатал-Хююке, – настенными рельефами женских существ. Помимо расположения этих предметов в помещениях особого рода в них можно отметить стремление реалистично передать черты лица человекоподобных существ. Близость натуре выражается и в том, что они представляют собой изображения, близкие по размерам человеческой фигуре и иногда превосходящие ее. В Чатал-Хююке такие настенные изображения обнаружены в помещениях, прямо или косвенно связанных с погребальными ритуалами. На стенах некоторых построек были нарисованы хищные птицы с распростертыми крыльями, нападающие на безголовых лежащих людей²³.

Сочетание антропоморфного существа и хищной птицы находит интересную параллель в еще более раннем, чем докерамический неолит Б, слое в Зави-Чемидар (иракский Курдистан). Здесь в одном комплексе найдены кости человека, кости крыльев очень большой хищной птицы, а также головы козлов. Как предполагают, это сочетание может указывать на то, что некий человек был участником ритуала, будучи облачен в перья хищной птицы, а сам ритуал был связан с погребением²⁴.

Таким образом, нацупывается по крайней мере одна связь обрядов, проходивших в постройках особого назначения Невали-Чори: они были направлены на отношения с умершими, с мифологизированными предками. Эта черта представлений оседлых земледельцев – следствие их постоянного пребывания на одном месте, которое утверждалось и «освящалось» через их отношения с жившими здесь и здесь же погребенными умершими и выделявшимися среди них предками, – сейчас обще-

²³ Mellaart J. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. L.–N.Y., 1967. P. 107f.

²⁴ Solecki R.L. Predatory Bird Rituals at Zawi Chemi Shanidar // Sumer. 1977. 33; Solecki R.L., McGovern T.H. Predatory Birds and Prehistoric Man // Theory and Practice: Essays Presented to Gene Wettfish / Ed. S. Diamond. The Hague, 1980.

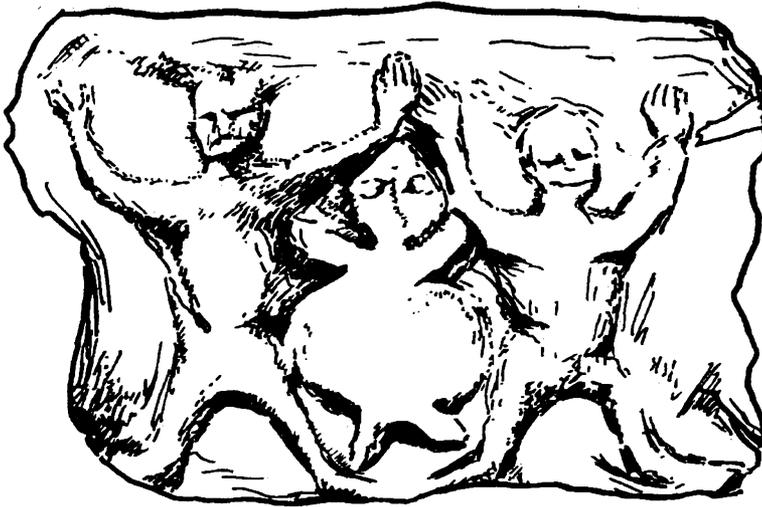

Рис. 5. Фрагмент каменного сосуда с изображениями

признана. Другое дело – признание того, как далеко в направлении сложившегося собственно религиозного культа можно продвигать степень развития этих представлений и ритуалов²⁵.

Прежде чем подвести итог тому, что известно сейчас о раскопках Невали-Чори и связанных с ним памятников Юго-Восточной Анатолии, об их месте в истории и культуре Ближнего Востока, необходимо сказать несколько слов о вещах одной категории, широко представленных в неолите Ближнего и Среднего Востока. Небольшие глиняные статуэтки, изображающие в основном женщин, не обнаружены в «культовых постройках» Невали-Чори. Впрочем, надо отметить, что местонахождение этих столь характерных для раннеземледельческих поселений фигурок никогда не отличается определенностью. Их положение в культурном слое позволяет думать, что их использовали в обрядах, а затем, за редким исключением, не обращали на них внимания – поэтому их и находят в самых разных местах поселений и вне связи с каким-либо обрядовым контекстом. Так, и на Невали-Чори обнаружено немало глиняных статуэток стоящих и сидящих женщин. Автор раскопок предполагает, что их назначение было скорее обыденным, а не религиозным (обрядовым), а это вряд ли можно признать правомерным. Думается все же, что они были «участницами» ритуалов²⁶.

Неотъемлемая часть представлений ранних оседлых земледельцев и скотоводов о мире – продолжение существования, плодородие, изобилие всех форм жизни, которые имели для них основной интерес. Выражения этого были разными (наверное, они воплощались и в почитании умерших, способствовавших новой жизни). Вероятно, с представлениями о продолжении жизни связан высокий рельеф, передающий фигуру высотой 45 см с согнутыми руками и выпуклым животом. Уникально изображение трех существ на стенке каменного сосуда (рис. 5). Две боковые фигуры, как полагают, – существа женского и мужского пола (они чуть различаются размерами)²⁷. Их руки подняты вверх, ноги широко расставлены. Между ними помещено изображение

²⁵ Об этом см. Антонова Е.В. Обряды первобытных земледельцев Востока. М., 1990. С. 244–249; Canvin. Naissance des divinités... P. 276.

²⁶ Аргументацию см. Антонова. Обряды... С. 155–179.

²⁷ Canvin. Naissance des divinités... P. 120.

существа, похожего на черепаху, расположенного головой вверх и точно вписанного в пространство, образуемое промежутком между телами человекоподобных существ. Г. Хауптманн замечает, что справа от этих фигур находилась еще одна, ныне фрагментированная, представляющая собой человека без головы. Таким образом, вся сцена, согласно его предположению, могла являть собой ритуал, при котором перед обезглавленной человеческой фигурой люди совершали танец²⁸. Конечно, это предположение нуждается в дальнейшей аргументации. Достаточно сказать, что Ж. Ковен считает возможным видеть в двух персонажах рельефа на этом сосуде «божественную пару»²⁹.

Можно согласиться с автором раскопок Невали-Чори, что в постройках этого поселения с чертами монументальности следует усматривать исходные формы для развития культовых сооружений на Ближнем Востоке³⁰. Проблема в том, как их расценивать – в качестве первых храмов, культовых мест, обращенных к местному божеству, или следовать более осторожной формулировке В. Ширмера, полагающего, что постройки докерамического неолита не следует считать храмами, но нельзя исключать возможность их использования для ритуалов³¹. Пример Невали-Чори показывает, что преждевременные заключения могут оказаться ошибочными. Надо ждать новых открытий.

Невали-Чори – поселение, располагавшееся между левантийскими и анатолийскими поселениями докерамического неолита Б. Близкое последним по архитектуре, оно отличается от них малым количеством обсидиана – здесь для изготовления орудий труда и оружия использовали в основном кремень³². В связи с новыми открытиями неолитических памятников в Леванте и Юго-Восточной Турции вновь встала проблема возникновения и распространения производящего хозяйства – базы сложения древнейших цивилизаций. Сейчас у исследователей складывается впечатление, что предположение Р. Брэйдвуда, поддержанное не только археологами, но и палеоботаниками, о формировании оседлых земледельческих поселений на окраинах Плодородного полумесяца может быть пересмотрено. Признаки оседлости и одомашнивания растений, согласно новым данным, в Леванте появляются раньше, чем в других областях. Впрочем, как признают сторонники французской школы исследований раннеземледельческих культур Ближнего Востока, остается неясным, каким образом конкретно шел этот процесс в других областях – в предгорьях Загроса на севере Ирака и в Юго-Западном Иране³³.

Культура докерамического неолита Б Тавра рассматривается как смешанная, как результат аккультурации местной основы распространившейся в этот район культурой со Среднего Евфрата. Именно оттуда была принесена хлебная пшеница, пшеница-однозернянка, бобовые. Проникновение происходило, по-видимому, в основном мирно³⁴. Менее ясно возникновение яркой культуры Чатал-Хююка, относящейся уже к эпохе керамического неолита. Может быть, ее предшественница в VIII тыс. до н.э. формируется под влиянием из Западного Леванта по путям распространения ценного и, вероятно, престижного сырья – обсидиана³⁵.

²⁸ Hauptmann. Ein Kultgebäude...

²⁹ Canvin. Naissance des divinités... P. 120.

³⁰ Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 68.

³¹ Schirmer. Zur Entstehung von Bauformen...

³² Canvin. Naissance des divinités... P. 117.

³³ Ibid. P. 185.

³⁴ Ibid. P. 120, 169.

³⁵ Ibid. P. 124.

AT THE SOURCES OF ANCIENT CULTURE
OF THE NEAR EAST

(Excavations of Nevali-Chori)

Ye.V. Antonova, B.A. Litvinsky

Nevali-Chori is a most interesting settlement of the pre-pottery neolithic period in South-East Turkey. Besides dwelling houses of complicated construction with storage facilities and work-shops, sanctuaries were discovered with carefully made floors (terrazzo-buildings), stone stelae and slabs for sacrificial offerings. The stone sculptures in the sanctuaries represented people, birds of prey, animals and mythical creatures. Many burials attesting to the worship of the dead were also found. The settlement belongs to an important period of the spreading culture of settled farmers and livestock-breeders, a period of the development of new conceptions of the world. The Nevali-Chori culture is one of those that served as the basis for the composition of ancient civilizations.

© 1998 г.

М.А. Дандамаев

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
В АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ

Первое тысячелетие до н.э. в Передней Азии было временем возникновения, расцвета и упадка великих мировых империй. Оговоримся сразу, что под империями мы имеем в виду государства, власть которых распространялась на многие страны, населенные этнически разнородными народами. Конечно, крупные державы существовали и в III и II тыс., но по своей экономической основе они разительно отличались от более поздних империй. Первые опирались на гигантские государственные или государственно-храмовые хозяйства. Это легко объясняется тем, что еще не существовало рыночного хозяйства и возможности свободно приобретать сырье или использовать наемный труд в сколько-нибудь широких масштабах. Наиболее наглядным примером таких империй может служить государство III династии Ура в Южной Месопотамии (2112–2003 гг.), власть которого простиралась и на соседние страны – Элам и Сирию. Довольно скоро это государство приобрело деспотический характер, и его цари выполняли, в частности, функции главы всего государственного аппарата и верховного судьи, и некоторые из них были даже обожествлены. Были созданы сильное центральное управление и единая государственная канцелярия, использовавшая шумерский язык. В царских и храмовых хозяйствах многочисленный штат писцов и чиновников регистрировал все процессы экономической и административной жизни вплоть до мелочей, и гонцы с документами государственной канцелярии рассылались во все концы империи. Дворцово-храмовое хозяйство требовало огромного количества работников, которые постепенно лишались прав свободных членов общества. Например, один лишь храм богини Баба в городе Лагаше владел земельной площадью более 4500 га. Существовали, конечно, и частные хозяйства, но они играли незначительную роль, и о них нам мало что известно.

С течением времени стали проявляться недостатки, присущие крупным централизованным хозяйствам, которые были мало эффективны. Причины этого были совершенно тривиальны. Вероятно, в самом начале, когда была налажена система крупных хозяйств, все – как чиновники, так и рядовые работники – были более или менее довольны своим положением: одни – сравнительно щедрым вознаграждением,